

ГЛАВА I. Прощание с детством человечества или Почему это не книга о происхождении неравенства

“ «Это настроение ощущается во всех сферах: политической, общественной, философской. Мы живем во время, которое греки называли *Καίρως*, „верное мгновение“ — для „метаморфозы богов“, фундаментальных принципов и символов»{3}.

К. Г. Юнг «Нераскрытая самость» (1958)

Большая часть человеческой истории безвозвратно утрачена. Наш вид, *Homo sapiens*, существует уже по меньшей мере двести тысяч лет, но мы не имеем никакого представления о том, что происходило с людьми большую часть этого времени. Например, рисунки и письма в пещере Альтамира на севере Испании создавались на протяжении десяти тысяч лет, примерно между 25 000 и 15 000 годами до нашей эры. Вероятно, в этот период произошло множество важных событий. Но у нас нет никакой возможности что-либо о них узнать.

Для многих это не имеет особого значения, ведь мы редко задумываемся об истории человечества в такой широкой перспективе. Нам незачем об этом думать. Если подобный вопрос и возникает, то во время размышлений о том, почему в мире царит хаос и почему люди так плохо поступают друг с другом, — то есть когда речь заходит о причинах войн, жадности, эксплуатации и систематического безразличия к страданиям других. Мы всегда были такими или в какой-то момент что-то пошло не так?

По большому счету это теологическая дискуссия. Вопрос по сути звучит так: люди по своей природе добрые или злые? Но если задуматься, то вопрос, сформулированный таким образом, оказывается бессмысленным. «Добро» и «зло» — это чисто человеческие понятия. Никому бы не пришло в голову говорить, используя такие категории, о рыбе или о дереве,

поскольку «добро» и «зло» — это понятия, придуманные людьми для того, чтобы сравнивать себя друг с другом. Выходит, что спорить о том, добрые или злые люди по своей природе — это то же самое, что спорить о том, худые ли или полные по своей природе люди.

Тем не менее, когда мы всё же размышляем о тех уроках, которые можно извлечь из доисторического периода, то почти неизбежно возвращаемся к подобным вопросам. Всем известен ответ, который дает христианство: сначала люди были безгрешными, но затем запятнали себя первородным грехом. Мы хотели уподобиться Богу и понесли наказание; теперь человечество обречено находиться в падшем состоянии, и нам остается только надеяться на будущее спасение. Современное популярное изложение этой истории представляет собой несколько модернизированную версию работы Жан-Жака Руссо «Рассуждение о происхождении и основании неравенства между людьми», написанной в 1754 году. Давным-давно люди были охотниками-собираателями, которые пребывали в затянувшемся состоянии детской невинности и проживали небольшими группами. Группы эти являлись эгалитарными в силу своей малочисленности. Та счастливая жизнь закончилась только после наступления «аграрной революции» и далее с возникновением городов. Ей на смену пришли «цивилизация» и «государство». Они принесли с собой письменность, науку, философию, но одновременно с этим почти всё плохое, что есть в человеческой жизни: патриархат, регулярные армии, массовые казни и назойливых бюрократов, требующих, чтобы мы проводили бóльшую часть своей жизни, заполняя разные бумажки.

Конечно, это сильное упрощение, но примерно так и выглядит история зарождения цивилизации, которую мы слышим каждый раз, когда кто-то, начиная с организационных психологов и заканчивая революционными мыслителями, говорит что-то вроде «но, конечно, бóльшую часть своей истории люди жили в группах по десять-двадцать человек» или «вероятно, сельское хозяйство — это самая большая ошибка человечества». И как мы увидим впоследствии, многие популярные авторы вполне открыто высказывают этот тезис. Проблема в том, что любой, кто ищет альтернативу такому довольно депрессивному взгляду на историю, в скором времени обнаружит, что единственная альтернатива еще хуже: если не Руссо, то Томас Гоббс.

«Левиафан» Гоббса, опубликованный в 1651 году, во многих отношениях стал основополагающим текстом современной политической теории. Гоббс утверждал, что люди по своей сути эгоистичные создания, а жизнь в естественном состоянии не была невинной; напротив, она была «одиноким, бедным, беспросветным, тупым и кратковременным» — короче говоря, люди жили в состоянии войны всех против всех. Прогресс и выход из этого мрачного состояния, как сказал бы последователь Гоббса, стал возможным преимущественно благодаря тем репрессивным механизмам, на которые жаловался Руссо: правительству, суду, бюрократии и полиции. Такая точка зрения на историю человечества тоже существует уже очень давно. Неслучайно в английском языке слова politics («политика»), polite («вежливый») и police («полиция») звучат почти одинаково — они произошли от греческого корня polis, или «город». Латинский перевод этого слова — civitas, откуда произошли такие слова, как civility («вежливость»), civic («гражданский») и определенное современное понимание «цивилизации» (civilization).

Согласно этой теории, человеческое общество основано на коллективном подавлении наших базовых инстинктов, что становится особенно важным, когда большое количество людей проживает в одном месте. Современные гоббсианцы сказали бы, что на протяжении почти всей своей истории мы действительно проживали в маленьких группах, члены которых находили общий язык в основном благодаря тому, что у них была общая цель — обеспечить выживание своего потомства (эволюционные биологи называют это «родительским вкладом»{4}). Но даже такие отношения не были основаны на равенстве. В группе всегда был «альфа-самец», то есть лидер. Иерархия, доминирование и циничный эгоизм всегда лежали в основе человеческого общества. Просто мы коллективно пришли к идее, что надо поставить наши долгосрочные интересы выше немедленных инстинктов; а точнее, создать такие законы, которые заставят нас давать волю своим наихудшим побуждениям в тех областях, где это было бы полезно для общества (например, в экономике), а в остальных случаях подавлять их.

Как читатели уже могли догадаться по нашему тону, мы не в восторге от необходимости выбирать между этими двумя альтернативами. Наши возражения можно разделить на три широких группы. Такие взгляды на общий ход человеческой истории:

1. попросту ошибочны;
2. ведут к печальным политическим выводам;
3. делают наше прошлое неоправданно скучным.

Эта книга представляет собой попытку рассказать другую, более обнадеживающую и интересную историю — и при этом лучше учитывающую то, чему нас научили исследования последних десятилетий. Отчасти наша задача заключается в том, чтобы свести воедино данные археологии, антропологии и смежных дисциплин, которые предлагают совершенно новый взгляд на развитие человеческих обществ за последние тридцать тысяч лет. Почти все эти исследования противоречат общепринятому изложению истории. Слишком часто самые замечательные открытия так и остаются достоянием специалистов, или же о них вообще приходится узнавать, читая научные публикации между строк.

Чтобы представить, насколько отличается наша история от привычных концепций, достаточно одного факта: сейчас стало очевидно, что до появления земледелия люди не жили исключительно в небольших и эгалитарных группах. Напротив, мир охотников-собирателей, существовавший до появления сельского хозяйства, был пространством смелых социальных экспериментов, напоминавшим скорее карнавальное шествие политических форм, а не абстрактные построения эволюционной теории. Появление сельского хозяйства, в свою очередь, не привело к возникновению частной собственности и не означало, что человечество сделало необратимый шаг на пути к неравенству. На самом деле первые аграрные сообщества зачастую не знали рангов и иерархий. Появление первых городов отнюдь не закрепило классовые различия. Как ни странно, но жизнь во многих из них была организована скорее эгалитарно, им не требовались авторитарные правители, амбициозные политики-военачальники и даже властные управленцы.

Информация по этим вопросам поступает со всех концов земного шара. Исследователи по всему миру начинают рассматривать этнографические и исторические материалы в новом

свете. Из существующих фрагментов мы можем сложить совершенно иную картину мировой истории — но пока что эти фрагменты остаются достоянием небольшого числа экспертов (и даже сами эксперты, как правило, неохотно отрываются от изучения своего небольшого кусочка пазла, чтобы сравнить полученные результаты с данными исследователей из других областей). Цель нашей книги — начать собирать этот пазл, отдавая себе отчет в том, что ни у кого еще нет в распоряжении всех элементов общей картины. Эта задача столь колоссальна, а стоящие перед нами вопросы столь важны, что потребуются годы исследований и дискуссий, чтобы просто начать понимать реальное значение картины, которая открывается перед нами. Очень важно запустить этот процесс. Но одно становится ясно уже сейчас: доминирующая «большая картина» истории — которую разделяют современные последователи Гоббса и Руссо — не имеет почти ничего общего с фактами. Для того чтобы осмыслить эту новую информацию, недостаточно просто собрать и обработать огромные объемы данных. Необходимо произвести и понятийный сдвиг.

Чтобы это сделать, нужно проследить, как сформировалась наша современная концепция социальной эволюции — представление о том, что человеческие общества можно классифицировать в соответствии со стадиями развития, каждой из которых присущи определенные технологии и формы организации (охотники-собиратели, земледельцы, урбанизированное индустриальное общество и так далее). Как мы увидим далее, источник этих представлений — консервативная реакция на критику европейской цивилизации, набиравшую силу в начале XVIII века. Однако истоки этой критики — не в работах философов Просвещения (хотя поначалу они ей и восхищались, и подражали), а в комментариях и наблюдениях о европейском обществе представителей коренных народов Америки, таких как вождь из племени гуронов-виандотов Кандиаронк, о котором мы подробнее расскажем в следующей главе.

Вновь обратиться к тому, что мы будем называть «индигенной критикой» (indigenous critique){5}, — значит воспринять всерьез общественную мысль, происходящую извне европейского канона, и в частности — берущую начало в тех коренных народах, которым западные философы не привыкли отводить какой-либо роли, кроме роли ангелов истории или же, наоборот, ее дьяволов. Оба эти варианта исключают какую-либо возможность интеллектуального обмена или хотя бы диалога: одинаково сложно спорить и с тем, кто считается воплощением зла, и с тем, кто считается святым, так как почти всё, что они скажут или подумают, скорее всего, будет восприниматься либо неважным, либо чем-то чрезвычайно значительным. Большинство из тех, о ком пойдет речь в этой книге, давно мертвы. У нас уже нет никакой возможности побеседовать с ними. Тем не менее мы твердо намерены писать о доисторическом периоде так, словно его населяли люди, с которыми мы могли бы поговорить, будь они живы. Именно люди, а не просто образцы, экземпляры, марионетки или игрушки в руках какого-нибудь неумолимого закона истории.

Безусловно, в истории есть определенные тенденции. Некоторые из них очень сильны; это настолько мощные течения, что плыть против них крайне сложно (хотя, кажется, всегда находятся те, кому это всё равно удается). Но мы сами создаем все «законы» истории. Что и подводит нас ко второму возражению.

Почему гоббсианская и руссоистская картины истории человечества ведут к печальным политическим выводам

Нет нужды чересчур подробно останавливаться на политических следствиях гоббсианской модели. В основе нашей экономической системы лежит предпосылка, что люди по своей природе — довольно скверные и эгоистичные создания, которые принимают решения исходя из циничного расчета, а не альтруизма или желания сотрудничать. А в таком случае лучшее, на что мы можем рассчитывать, — это более изощренные формы внешнего и внутреннего контроля нашего врожденного стремления к накоплению и самовозвеличиванию. Руссоистская история о том, как человечество от первоначального состояния эгалитарной невинности пришло к неравенству, выглядит более оптимистичной (по крайней мере, когда-то в прошлом было что-то хорошее). Но сейчас ее, как правило, используют, дабы убедить нас в том, что, хотя система, в которой мы живем, может быть несправедливой, самое большее, что реально можно сделать, — это провести немного скромных позитивных изменений. И сам термин «неравенство» очень показателен в этом отношении.

После финансового краха 2008 года и последовавших за ним потрясений вопрос неравенства — а с ним и история неравенства — стали центральными темами дискуссии. Интеллектуалы и в определенной мере даже политическая элита пришли к некоторому консенсусу о том, что уровень социального неравенства вышел из-под контроля и что большинство мировых проблем так или иначе стали следствием всё увеличивающегося разрыва между имущими и неимущими. Просто указать на это — значит бросить вызов глобальным властным структурам. Но вместе с тем такая формулировка проблемы в конечном счете звучит успокаивающе для людей, выигрывающих от существования этих структур, поскольку она подразумевает, что содержательное решение проблемы никогда не будет найдено.

Давайте представим, что проблема сформулирована иначе, как это могло бы быть пятьдесят или сто лет назад: как проблема концентрации капитала, олигополии или классового доминирования. В отличие от всех этих понятий, слово «неравенство» будто бы создано для полумер и компромиссов. Можно представить себе ниспровержение капитализма или слом государственной власти, но неясно, что значит избавиться от неравенства. (О каком именно неравенстве идет речь? Материальном? Неравенстве возможностей? Насколько именно равными должны быть люди, чтобы можно было сказать: «Мы избавились от неравенства»?) «Неравенство» — это способ обозначения общественных проблем, который характерен для эпохи реформаторов-технократов, изначально исходящих из того, что ни о каком настоящем видении общественного преобразования нет и речи.

Споры о неравенстве позволяют возиться с числами, дискутировать о коэффициентах Джини и верхних границах нормы, корректировать систему налогообложения или

механизмы социального обеспечения и даже шокировать общественность графиками, демонстрирующими, насколько всё плохо («Можете ли вы себе представить? Один процент богатейших людей мира контролирует сорок четыре процента мирового богатства!»). Они же позволяют делать всё вышеперечисленное, не занимаясь тем, что действительно вызывает непосредственное недовольство людей в этом «неравном обществе». Например, что одни люди используют свое богатство для утверждения власти над другими людьми. Или что некоторым внушают, будто их нужды несущественны, а их жизни не имеют собственной ценности. Нас убеждают, что всё это — лишь неизбежное следствие неравенства, а неравенство неизбежно в любом крупном, сложном, урбанизированном и технологически развитом обществе. Так, предположительно, будет всегда — вопрос только в степени этого неравенства.

Сейчас происходит настоящий бум дискуссий о неравенстве: начиная с 2011 года «глобальное неравенство» регулярно становится основной темой обсуждения на Всемирном экономическом форуме в Давосе. Существуют индексы неравенства, институты по изучению неравенства, льется нескончаемый поток публикаций, авторы которых стремятся спроецировать нынешнюю одержимость вопросами распределения благ на прошлое вплоть до каменного века. Есть даже попытки вычислить уровень дохода и коэффициент Джини применительно к охотникам на мамонтов эпохи палеолита (оба эти показателя оказываются очень низкими)[1]. Кажется, будто нам непременно нужно придумать математическую формулу, оправдывающую выражение, популярное уже во времена Руссо, что в таких обществах «все были равны, поскольку были одинаково бедны».

В конечном счете все эти истории об изначальном состоянии невинности и равенства, а также сам термин «неравенство» приводят к тому, что пессимистичный взгляд на человеческий удел в этом мире становится чем-то само собой разумеющимся. Начинает казаться, будто эти представления абсолютно логичны, если посмотреть на человечество в широкой исторической перспективе. Да, вполне реально жить в подлинно эгалитарном обществе, если вы пигмей или бушмен из Калахари. Но если вы хотите создать современное общество настоящего равенства, придется сообразить, как вернуться к жизни в небольших группах охотников-собирателей, не обладающих какой-либо значительной личной собственностью. Поскольку охотникам-собирающим требуется довольно большая территория, чтобы обеспечить себя пищей, население Земли придется сократить примерно на 99,9 %. В противном случае лучшее, что мы можем сделать, — подобрать размер сапога, которым нас будут давить вечно; или же немного увеличить пространство маневра — для тех из нас, кто сможет на время от него увильнуть.

Чтобы сделать первый шаг к более достоверной и обнадеживающей картине мировой истории, нам необходимо раз и навсегда отказаться от идеи райского сада и просто остановиться на представлении о том, что сотни тысяч лет на Земле царил одна и та же идиллическая форма социальной организации. Однако, как ни странно, такое предложение часто расценивают как консервативное. «То есть вы утверждаете, что люди никогда не были по-настоящему равными? И что, следовательно, равенство недостижимо?» Мы считаем такие возражения одновременно контрпродуктивными и откровенно нереалистичными.

Прежде всего, довольно странно предполагать, что на протяжении тех десяти (кто-то скажет — двадцати) тысяч лет, что люди создавали рисунки на стенах пещеры Альтамира, никто — не только в Альтамире, но и в других частях света — не экспериментировал с альтернативными формами социальной организации. Как такое возможно? Во-вторых, разве не способность экспериментировать с различными формами социальной организации (среди прочего) и делает нас людьми? Людьми, то есть существами, способными творить самих себя и даже быть свободными? Как мы увидим, главный вопрос человеческой истории — это не вопрос равного доступа к материальным ресурсам (земле, калориям, средствам производства), как бы важны они ни были, а вопрос равной способности влиять на решения о том, как жить вместе. Естественно, наличие этой возможности предполагает, что есть и некоторые осмысленные, содержательные вопросы, по которым можно было бы принимать решения.

Раз будущее нашего вида, как утверждают многие, сейчас зависит от того, сумеем ли мы создать нечто иное, новое (скажем, такую систему, в которой богатство нельзя свободно использовать для получения власти над людьми или в которой никому не внушают, будто их потребности несущественны или что их жизни не имеют собственной ценности), выходит, что самый насущный вопрос — сможем ли мы вновь открыть для себя те свободы, которые и делают нас людьми? Еще в 1936 году археолог Вир Гордон Чайлд написал книгу «Человек создает себя». За исключением сексистского заголовка{б}, посыл у этой работы правильный. Мы — произведения коллективного самотворчества. Что, если мы взглянем на историю человечества под таким углом? Что, если мы будем с самого ее начала рассматривать людей как творческих, разумных и склонных к игре созданий, заслуживающих именно такого определения? Что, если вместо рассказа о том, как наш вид лишился некоторого идиллического состояния равенства, мы зададимся вопросом о том, как мы оказались в столь крепких концептуальных оковах, что более не в силах даже вообразить возможность собственного переизобретения?

Несколько кратких примеров, демонстрирующих, что общепринятые представления об основных вехах истории человечества по большей части ошибочны (или вечное возвращение Жан-Жака Руссо)

Когда мы только начали работать над этой книгой, то стремились найти новые ответы на вопрос о происхождении социального неравенства. Очень скоро мы поняли, что это не самый лучший подход. Рассматривая историю человечества таким образом — то есть

неизбежно соглашаясь, что некогда человечество пребывало в состоянии невинности и что можно определить момент в истории, когда это изменилось, — мы лишали себя возможности задавать те вопросы, которые были для нас по-настоящему интересными. Казалось, что почти все исследователи угодили в ту же самую ловушку. Специалисты из узких областей отказывались делать обобщения. Те же, кто всё-таки шел на такие риски, почти неизбежно в том или ином виде воспроизводили руссоистскую модель.

В качестве примера такого обобщения можно обратиться к книге Фрэнсиса Фукуямы «Происхождение политического порядка: от доисторических времен до Французской революции» (2011). Вот как Фукуяма излагает то, что кажется ему общепризнанным взглядом на первобытные общества: «На ранних этапах своего развития политический строй людей схож с группами, наблюдаемыми у высших приматов, например шимпанзе». По мнению Фукуямы, это можно рассматривать как «изначальную форму социальной организации». Далее он соглашается с позицией Руссо касательно того, что происхождение политического неравенства связано с развитием сельского хозяйства, поскольку общества охотников-собирателей (согласно Фукуяме) не имеют представления о частной собственности и оттого — значимых стимулов выделить участок земли и заявить: «Это мое». Он утверждает, что такого рода группы имеют «ярко выраженный эгалитарный характер»[2].

Джаред Даймонд в книге «Мир позавчера. Чему нас могут научить люди, до сих пор живущие в каменном веке» (2012) предполагает, что такие группы (в которых, как считает автор, люди жили еще «одиннадцать тысяч лет назад») состояли из «нескольких десятков индивидов», в основном связанных биологическим родством. Они жили довольно скромно, «собирая дикорастущие растения или охотясь на диких животных, встретившихся им в районе одного акра леса». Простоте их социальной жизни, пишет Даймонд, можно было позавидовать. Решения принимались в результате «непосредственного обсуждения членами группы», «предметов, находящихся в личной собственности» было немного, «формальное политическое лидерство или выраженная экономическая специализация» отсутствовали[3]. Даймонд с сожалением заключает, что только в таких первобытных сообществах люди достигали значительного уровня социального равенства.

Даймонд и Фукуяма, как и Руссо несколькими столетиями ранее, убеждены, что именно появление сельского хозяйства и обеспеченный им прирост населения раз и навсегда положили конец равенству во всём мире. Сельское хозяйство привело к превращению «групп» (bands) в «племена» (tribes). Благодаря росту запасов продовольствия население увеличивалось, и некоторые «племена» превратились в ранжированные сообщества — «вождества» (chiefdoms). Фукуяма рисует почти библейскую картину изгнания из рая: «Пока маленькие группы кочевали и приспосабливались к различным условиям жизни, они стали выходить из естественного состояния и развивать новые социальные институты»[4]. Они воевали за ресурсы. Юные и неуклюжие, эти общества явно двигались навстречу неприятностям.

Но вот пришло время взрослеть и назначать подходящих предводителей. Стали возникать иерархии. Как утверждают Даймонд и Фукуяма, сопротивляться было бессмысленно, поскольку иерархия неизбежна при крупных и сложных формах организации. Даже когда

лидеры начинали плохо поступать: пользоваться излишками сельскохозяйственной продукции, чтобы обеспечивать родственников и поощрять приближенных, делать свой титул бессменным и передавать его по наследству, собирать человеческие головы в качестве трофеев, создавать гаремы с рабынями и вырезать обсидиановыми ножами сердца соперников, — пути назад уже не было. Вскоре вождям удалось убедить остальных называть себя «королями» и даже «императорами». Даймонд терпеливо объясняет нам:

“ Большие общества не могут функционировать без вождей, которые принимают решения, исполнителей, которые претворяют эти решения в жизнь, и бюрократов, обеспечивающих всеобщее исполнение этих решений и законов. К огорчению наших читателей-анархистов, мечтающих о жизни без государственной власти, именно поэтому их мечта неосуществима: им пришлось бы найти какой-то малочисленный род или племя, которое согласилось бы их принять, где все знакомы и где нет необходимости в королях, президентах и чиновниках[5].

Удручающий вывод не только для анархистов, но и для любого, кто задается вопросом, есть ли реальная альтернатива статусу-кво. И всё же по-настоящему примечательно, что, несмотря на самоуверенный тон, такие высказывания на самом деле не основаны на каких-либо научных данных. Как мы вскоре увидим, нет причин полагать, что общества малого масштаба с особо высокой вероятностью оказываются эгалитарными, а в обществах многочисленных обязательно есть короли, президенты и бюрократы. Такого рода заявления — это всего лишь предрассудки, облакаемые в форму фактов или даже законов истории[6].

О погоне за счастьем

Как мы сказали, всё это просто бесконечное повторение истории, впервые рассказанной Руссо в 1754 году. Многие современные исследователи считают концепцию Руссо доказанной. Если так, то мы имеем дело с невероятным совпадением, поскольку сам Руссо не говорил, что люди когда-либо пребывали в естественном состоянии. Напротив, он настаивал, что это лишь мысленный эксперимент: «Не стоит принимать тип исследования, приведенного здесь, за поиск исторических истин; это лишь гипотетические и условные рассуждения, более способные осветить природу вещей, чем установить их действительное происхождение...»[7]

Когда Руссо описывал естественное состояние и то, как оно закончилось с появлением сельского хозяйства, он не предполагал, что это описание станет основой для концепции эволюционных стадий развития общества, таких как «дикость» и «варварство», о которых говорили шотландские философы Смит, Фергюсон и Миллар (и позже Льюис Генри Морган). Размышляя об этих воображаемых состояниях, Руссо отнюдь не рассматривал их как стадии общественного и нравственного развития, соответствующие историческим изменениям в способах производства — собирательству, животноводству, земледелию, промышленности. Он скорее рассказывал своего рода притчу, пытаясь исследовать фундаментальный парадокс политической жизни человечества: как так выходит, что наше врожденное

стремление к свободе раз за разом «самопроизвольно приводит нас к неравенству»? [8]

Руссо описывает, как изобретение сельского хозяйства приводит к появлению частной собственности, а собственность — к необходимости в гражданском правительстве для ее защиты, следующим образом: «Все бросились прямо в оковы, веря, что этим они обеспечат себе свободу; ибо, будучи достаточно умны, чтобы постигнуть преимущества политического устройства, они не были достаточно искушенными, чтобы предвидеть связанные с этим опасности» [9]. Он использовал воображаемое «естественное состояние» главным образом для иллюстрации этой идеи. Да, саму концепцию придумал не Руссо: к тому времени она уже на протяжении столетия использовалась европейскими философами в качестве риторического приема. Широко применяемая теоретиками естественного права, она фактически позволяла каждому мыслителю, интересующемуся происхождением государства (Локку, Гроцию и так далее), поиграть в Бога и предложить свой собственный вариант естественного состояния человека, используя его как отправную точку для умозрительных построений.

Примерно этим же занимался и Гоббс, когда писал в «Левиафане», что первобытное состояние человеческого общества неизбежно представляло бы собой *bellum omnium contra omnes*, войну всех против всех, остановить которую может только создание абсолютной суверенной власти. Он не утверждал, что люди когда-то действительно пребывали в подобном первобытном состоянии. Некоторые предполагают, что гоббсовское состояние войны на самом деле было аллегорией на его родную Англию середины XVII века, скатывающуюся в гражданскую войну, из-за которой автор-роялист эмигрировал в Париж. Как бы то ни было, ближе всего к утверждению о том, что такое состояние действительно имело место, Гоббс подошел, когда отметил, что единственные люди, не подчиняющиеся королевской власти, — это сами короли, а они постоянно воюют друг с другом.

Несмотря на всё это, многие современные авторы рассматривают «Левиафан» так же, как другие — «Рассуждение» Руссо: как будто Гоббс закладывал основу для эволюционного подхода к изучению истории; и хотя эти отправные точки полностью отличаются друг от друга, результат получается довольно похожим [10].

«Что касается насилия у догосударственных народов, — пишет психолог Стивен Пинкер, — Гоббс и Руссо шли вслепую: ни тот ни другой ничего не знали о жизни до появления цивилизации». Пинкер совершенно прав. Тут же, однако, он убеждает нас в том, что Гоббс, который написал свою книгу в 1651 году (очевидно, вслепую), каким-то образом сумел предугадать и предложить анализ насилия и его причин в истории человечества, который «ни в чем не уступает любому современному» [11]. Если Пинкер действительно прав, то это удивительный — если не сказать убийственный — вердикт, вынесенный тем эмпирическим исследованиям, которые велись на протяжении столетий после выхода книги Гоббса. Но далее мы увидим: Пинкер сильно ошибается [12].

Мы можем рассматривать Пинкера как типичного представителя современного гоббсианства. В своем *magnum opus*, книге «Лучшее в нас. Почему насилия в мире стало меньше» (2011), и последующих работах, таких как «Просвещение продолжается: В защиту разума, науки, гуманизма и прогресса» (2018), он утверждает, что сейчас мы в целом реже

сталкиваемся с насилием и жестокостью, нежели наши предки[13].

Этот вывод может показаться сомнительным любому, кто часто смотрит новости, не говоря уже о тех, кто знаком с историей XX века. Пинкер, однако, уверен, что объективный статистический анализ, свободный от лишних эмоций, продемонстрирует, что мы живем в эпоху невиданного прежде мира и безопасности. Он утверждает, что это закономерный итог жизни в суверенных государствах, каждое из которых обладает монополией на законное использование насилия в пределах собственных границ, в отличие от «анархических племен» древности (как он их называет), в которых жизнь большинства людей и правда была преимущественно «беспросветна, тупа и кратковременна».

Поскольку Пинкера, как и Гоббса, интересует происхождение государства, для него переломным моментом оказывается не развитие земледелия, а появление городов. «Археологи говорят, что люди жили в состоянии анархии до возникновения цивилизации (примерно пять тысяч лет назад), когда оседлые земледельцы впервые объединились в города и государства и создали первые правительства», — пишет Пинкер[14]. А дальше, если говорить откровенно, психолог начинает выдумывать историю на ходу. Может быть, вы ожидаете, что ярый сторонник науки подойдет к вопросу по-научному и проанализирует широкий спектр источников, — но Пинкеру такой подход к изучению доисторического периода кажется неинтересным. Вместо этого он опирается на анекдоты, яркие картинки и сенсационные открытия, попавшие в заголовки газет, вроде обнаруженного в 1991 году «Этци, человека из льда».

«Что было не так с древними людьми, — задается вопросом Пинкер, — если они не могли оставить нам ни одного интересного трупа, не прибегая к убийству?» Логично задать встречный вопрос: разве это не зависит от того, какие трупы кажутся вам интересными? Действительно, чуть более пяти тысяч лет назад кто-то шел через Альпы и был убит стрелой; но нет никаких оснований считать Этци образцовым примером человека в его естественном состоянии, за исключением того обстоятельства, что Этци хорошо вписывается в аргумент Пинкера. Но если придерживаться такого избирательного подхода, то с тем же успехом можно выбрать более раннее захоронение, известное археологам как Ромито 2 (названо в честь пещеры в Калабрии, где оно было обнаружено). Давайте посмотрим, что получится, если мы поступим таким образом.

Ромито 2 — это захоронение мужчины, возраст которого составляет десять тысяч лет, с редким генетическим заболеванием *acromesomelic dysplasia*: тяжелой формой карликовости. Должно быть, из-за него он резко выделялся в своем сообществе и к тому же не мог участвовать в высокогорной охоте, необходимой для выживания его сородичей. Исследования патологии мужчины демонстрируют, что сообщество охотников-собирателей, несмотря на недостаток пищи и слабое здоровье своих членов, старалось помогать ему в детские и юношеские годы, обеспечивая мужчину мясом наравне со всеми, а после смерти аккуратно захоронило его труп в укромном месте[15].

Случай Ромито 2 не уникален. При тщательном исследовании захоронений охотников-собирателей эпохи палеолита археологи обнаруживают множество останков людей, страдавших серьезными заболеваниями, — что удивительно, о многих из них заботились

вплоть до самой смерти (и даже после нее, судя по роскоши некоторых захоронений)[16]. Если бы мы действительно решили сделать общий вывод о том, как изначально выглядели человеческие общества, опираясь на статистические показатели состояния здоровья людей, похороненных в древних могилах, то пришли бы к заключению, противоположному мнению Гоббса (и Пинкера): по своей природе мы заботливый вид, так что жизнь необязательно была «беспросветна, тупа и кратковременна».

Мы не предлагаем действительно сделать такой вывод на основе этих данных. Как мы увидим далее, есть основания считать, что в эпоху палеолита людей хоронили лишь в исключительных случаях. Мы лишь хотим указать, что тот же самый прием можно легко повернуть и в обратную сторону — легко, но, откровенно говоря, бессмысленно[17]. Как только мы обращаемся к конкретным материалам, то обнаруживаем, что социальная жизнь первобытных людей была гораздо сложнее и значительно интереснее, чем может представить себе любой современный теоретик естественного состояния.

Другой прием — избирательное использование антропологических исследований реально существующих в настоящее время обществ для того, чтобы представить их как наших «современных предков», то есть примеров того, какими люди могли быть в естественном состоянии. Авторы, работающие в традиции Руссо, предпочитают африканских охотников-собираателей, таких как хадза, пигмеи или!кунг{7}, а те, кто придерживаются идей Гоббса, — народ яномами{8}.

Яномами — это группа коренных племен из местности на границе Венесуэлы и Бразилии, живущих в основном выращиванием бананов и маниока в дождевых лесах Амазонии. Начиная с 1970-х яномами приобрели репутацию архетипичных кровожадных дикарей: «жестоких людей», как назвал их этнограф Наполеон Шаньон, самый известный исследователь яномами. Такое определение, видимо, совсем несправедливо — согласно статистике, они не выделяются особой жестокостью: количество убийств среди яномами ниже среднего по сравнению с другими племенами американских индейцев[18]. Но опять же, оказывается, что наличие драматичных образов и историй важнее статистики. На самом деле, своей известностью и столь красочной репутацией яномами обязаны самому Шаньону. В 1968 году он опубликовал книгу «Яномама: жестокий народ», которая разошлась миллионами копий; он также участвовал в создании нескольких фильмов, таких как «Битва на топорах», предложивших зрителям живописную картину племенных войн{9}. На некоторое время это сделало Шаньона самым популярным антропологом в мире, а яномами — широко известным случаем первобытного насилия, особенно важным для появляющейся в те годы социобиологии.

Мы должны отдать должное Шаньону (далеко не все это делают). Он никогда не утверждал, что яномами нужно воспринимать как живых ископаемых, оставшихся от каменного века; более того, он часто отмечал, что дело, очевидно, обстоит иначе. Одновременно с этим, в довольно необычной для антрополога манере, он был склонен характеризовать яномами с точки зрения того, чего у них не было (например, письменности, полиции, формальной судебной системы), а не положительных атрибутов их культуры. Это привело к тому же самому результату — созданию образа хрестоматийных первобытных людей[19]. Основным аргумент Шаньона заключался в том, что взрослые мужчины яномами получают культурные

и репродуктивные преимущества, убивая других взрослых мужчин; и что если эта взаимосвязь между насилием и биологической приспособленностью репрезентативна для первобытных людей в целом, то она могла иметь эволюционные последствия для всего нашего вида[20].

Это «если» — не просто большое, а огромное. Коллеги-антропологи завалили Шаньона вопросами — не всегда дружелюбными[21]. Его обвинили в непрофессионализме (в основном речь шла об этических стандартах полевого исследования){10}. Одни антропологи поддержали Шаньона, другие — разделили позицию его критиков, и никто не остался в стороне. Некоторые обвинения оказались беспочвенными, но сторонники Шаньона в ходе полемики так разгорячились (говоря словами Клиффорда Гирца, другого известного антрополога), что не только начали превозносить его как олицетворение научно строгой антропологии, но и нещадно критиковать всех, кто ставил под сомнение социальный дарвинизм Шаньона, называя их «марксистами», «лжецами», «культурными антропологами с левого фланга академии», «аятоллами» и «политкорректными сердобольными людьми». По сей день лучший способ заставить антропологов начать обвинять друг друга в крайностях — это упомянуть имя Наполеона Шаньона[22].

Здесь важно, что, по мнению ряда авторов, яномами как «безгосударственный» народ должны служить примером того, что Пинкер называет «гоббсианской ловушкой», когда люди из племенных обществ оказываются в замкнутом кругу набегов и войн, живут в опасных, нестабильных условиях, постоянно рискуют быть жестоко убитыми острым оружием или отмщающей дубинкой. Как утверждает Пинкер, это — мрачная судьба, предначертанная нам эволюцией. Мы спаслись от нее только из-за готовности перейти под защиту национальных государств, судов и полиции, а также благодаря тому, что прониклись ценностями аргументированной дискуссии и самоконтроля, которые Пинкер считает уникальным наследием европейского «цивилизационного процесса», подарившего миру эпоху Просвещения (иначе говоря, не будь Вольтера и полиции, академические споры о результатах исследований Шаньона перешли бы в поножовщину).

У этого тезиса множество слабых мест. Начнем с самого очевидного из них. Идея о том, что наши нынешние идеалы свободы, равенства и демократии есть некий продукт «западной традиции», стала бы большим сюрпризом для людей вроде Вольтера. Как мы вскоре увидим, мыслители Просвещения, которые проповедовали эти идеалы, почти всегда вкладывали их в уста иностранцев и даже «дикарей», таких как яномами. В этом нет ничего удивительного, ведь в той самой «западной традиции», начиная с Платона и Марка Аврелия и заканчивая Эразмом Роттердамским, почти все авторы демонстрировали явное неприятие подобных идей. Возможно, слово «демократия» и правда придумали в Европе (и то с натяжкой, ведь Греция в те времена имела гораздо более тесные культурные связи с Северной Африкой и Ближним Востоком, чем, скажем, с Англией), но до начала XIX века почти невозможно найти европейского автора, который обнаружил бы в идее демократии что-либо кроме ужасной формы правления[23].

По очевидным причинам позиция Гоббса импонирует тем, кто находится на политическом спектре справа, а позиция Руссо — левым. Пинкер позиционирует себя как рационального центриста и осуждает представителей обеих сторон, придерживающихся крайних взглядов.

Но зачем в таком случае настаивать на том, что все значимые достижения человеческого прогресса до XIX века можно справедливо приписать тем, кто раньше называл себя «белой расой» (а сейчас, как правило, употребляет в отношении себя более приемлемый термин — «западная цивилизация»)? Для этого попросту нет оснований. С таким же успехом (и это было бы проще) первые признаки рационализма, законности, совещательной демократии и тому подобного можно обнаружить по всему миру и затем продемонстрировать, как они сформировали современную глобальную систему[24].

Если автор, напротив, настаивает, что всё хорошее придумали в Европе, то его работа может быть прочитана как написанная задним числом апология геноцида. Ведь тогда складывается впечатление, что (для Пинкера) порабощение, изнасилования, массовые убийства и уничтожение целых цивилизаций, принесенные европейскими державами в остальные части света, — обычное человеческое поведение. По такой логике, что действительно важно, так это то, что всё вышеперечисленное позволило приобщить выживших к идеям свободы, равенства перед законом и прав человека — «чисто» европейским, по мнению Пинкера.

Каким бы неприятным ни было прошлое, убеждает нас Пинкер, мы имеем все основания для того, чтобы с оптимизмом и даже радостью смотреть на тот путь, по которому идет человечество. Да, он признаёт, что ряд аспектов вроде бедности, неравенства доходов, а также, в самом деле, мира и безопасности, еще предстоит существенно доработать. Но в общем и целом — особенно учитывая численность нынешнего населения планеты — мы наблюдаем невероятный прогресс во всевозможных сферах (правда, не для чернокожих или жителей Сирии). Жизнь в современном мире, согласно Пинкеру, почти во всех отношениях лучше, чем в прошлом, он приводит тщательно проработанные статистические данные, призванные продемонстрировать, что каждый день мы наблюдаем улучшения во всех аспектах жизни: здравоохранении, безопасности, образовании, комфорте и почти по любым другим возможным параметрам — всё становится только лучше.

Тяжело спорить с числами, но любой статистик скажет вам, что статистика хороша настолько, насколько хороши те предпосылки, из которых она исходит. Действительно ли «западная цивилизация» улучшила жизнь человечества? В конечном счете всё сводится к вопросу о том, как измерить людское счастье, а сделать это очень трудно. Единственный надежный способ определить, действительно ли жизнь стала более приятной, полноценной, счастливой или улучшилась каким-либо иным образом, — это дать людям возможность сравнить два варианта и выбрать наиболее привлекательный. Например, если Пинкер прав, то любой человек в здравом уме, выбирая между (а) насилием, хаосом, крайней нищетой «племенной» стадии развития человечества и (б) относительной безопасностью и процветанием западной цивилизации, без промедления выберет второй вариант[25].

Но у нас есть эмпирические данные, и они свидетельствуют о том, что Пинкер сильно ошибается.

За последние несколько столетий в целом ряде случаев люди стояли перед таким выбором и почти никогда не шли по тому пути, который предположил бы Пинкер. Некоторые из них оставили нам ясное, аргументированное объяснение своего поступка. Рассмотрим случай

Хелены Валеро, бразильской женщины испанского происхождения. Пинкер упоминает ее как «белую девочку», похищенную яномами в 1932 году, когда она путешествовала с родителями по Рио-Димити.

В течение двадцати лет Валеро жила в нескольких семьях яномами, дважды была замужем и в итоге стала довольно важной фигурой в своем сообществе. Пинкер кратко цитирует рассказ Валеро о своей жизни, в котором она описывает жестокости набегов яномами[26]. Но он не упоминает, что в 1956 году она покинула яномами с целью отыскать родную семью и снова пожить в «западной цивилизации», а в итоге лишь периодически голодала и постоянно испытывала уныние и одиночество. Спустя некоторое время Валеро, имея достаточно информации для принятия обдуманного решения, предпочла вернуться к яномами[27].

В этом нет ничего необычного. История колонизации Северной и Южной Америки знает множество примеров того, как поселенцы, захваченные в плен или усыновленные местными племенами, впоследствии оставались жить в них, даже имея возможность уйти[28]. Это касается и похищенных детей. Большинство из них, снова встретившись со своими биологическими родителями, возвращались в усыновивший или удочеривший их род, ища там защиту[29]. Напротив, американские индейцы, включенные в европейское общество путем усыновления или брака, в том числе те, кто — в отличие от несчастной Хелены Валеро — получили хорошее образование и обладали значительным состоянием, почти всегда поступали противоположным образом: или сбегали при первой возможности, или — приложив все усилия к тому, чтобы адаптироваться, и потерпев неудачу — возвращались в родное сообщество, чтобы остаться там навсегда.

Одно из самых красноречивых замечаний об этом феномене можно обнаружить в письме Бенджамина Франклина к своему другу:

“ Если ребенок индейцев, который воспитывается среди нас, обучается нашему языку и приучается к нашим обычаям, отправится навестить своих родных, то его уже не убедить вернуться назад. Так происходит не только с индейцами. Если белые люди обоих полов в молодые годы оказываются в плену у индейцев и некоторое время живут среди них, а потом их выкупают друзья, которые обращаются с ними со всей возможной чуткостью, дабы убедить их остаться среди англичан, в скором времени они начинают испытывать отвращение к нашему образу жизни и всей той заботе и трудам, необходимым для его поддержания и при первой возможности сбегают обратно в леса, откуда их уже невозможно вернуть. Я слышал об одном человеке, который должен был вернуться домой, где он получил бы хорошее наследство; но обнаружив, что забота о наследстве сопряжена с определенными хлопотами, он отказался от него в пользу своего младшего брата и, захватив с собой только ружье и шерстяную накидку, направился обратно в дикую природу[30].

Многие из участников этого «соревнования» цивилизаций изложили причины, побудившие их остаться среди своих бывших похитителей. Некоторые подчеркивали достоинства свободы, обнаруженной ими в коренных североамериканских обществах, включая сексуальную свободу, но также и свободу от ожидавшегося от них постоянного тяжелого труда в погоне за землей и богатством[31]. Другие отмечали то, как «индейцы» противятся нищете, голоду и другим лишениям. Причина была не столько в том, что они боялись бедности, сколько в том, что жизнь в обществе, где никто не испытывает ужасных страданий, казалась им гораздо более приятной (подобно тому, как Оскар Уайльд заявлял, что выступает за социализм потому, что ему не нравится видеть и слушать бедняков{11}). Любой, кто вырос в городе, полном бездомных и нищих, — а это, к сожалению, большинство из нас — всегда испытывает некоторое потрясение, когда узнаёт, что всё может быть иначе.

Другие отмечали легкость, с которой чужаки, взятые в «индейские» семьи, могли получить признание и достигнуть высоких позиций в усыновившем или удочерившем их сообществе, присоединиться к семье вождя или даже стать вождем[32]. Западные пропагандисты бесконечно твердят о равенстве возможностей; судя по всему, у представителей таких сообществ возможности действительно равны. Однако наиболее распространенной причиной была сила социальных связей, которую люди испытали в коренных американских обществах: взаимная забота, любовь и прежде всего счастье, которые, как они обнаружили, невозможно было воспроизвести, вновь оказавшись в европейских условиях. «Безопасность» принимает различные формы. Можно чувствовать себя в безопасности, зная, что, согласно статистике, в вас с меньшей вероятностью выстрелят из лука. А можно — зная, что в мире есть люди, которые позаботятся о вас, если это всё же случится.

Почему традиционный нарратив истории человечества не только ошибочный, но и неоправданно скучный

Создается впечатление, что жизнь в первобытных условиях была, грубо говоря, гораздо интереснее, чем жизнь в «западном» городе или мегаполисе, особенно если вам нужно на протяжении многих часов заниматься монотонными, повторяющимися и бессмысленными вещами. Тот факт, что нам тяжело представить себе, какой бесконечно увлекательной и интересной могла бы быть такая альтернативная жизнь, возможно, характеризует скорее ограниченность нашего воображения, чем эту жизнь.

Обеднение картины исторического развития, сведение людей до стереотипных образов, упрощение проблем (мы по своей природе эгоистичны и жестоки или, наоборот, добры и склонны к сотрудничеству?) — одна из самых вредных черт стандартного изложения мировой истории. Такой нарратив подрывает или даже разрушает наше представление о человеческих возможностях. В конечном счете «благородные» дикари оказываются такими

же скучными, как и обычные дикари; что еще более важно, ни те ни другие на самом деле не существуют. Хелена Валеро была в этом отношении непреклонна. Она настаивала, что яномами не были ни демонами, ни ангелами. Они были такими же людьми, как и мы.

Конечно, нельзя забывать: социальная теория неизбежно предполагает определенное упрощение. Например, почти про любое действие человека можно сказать, что в нем есть политический, экономический, психо-сексуальный аспект и так далее. По большей части социальная теория — игра, в которой мы делаем вид, просто ради дискуссии, что существует лишь какой-то один из этих аспектов. По сути, мы сводим всё к карикатуре, и это позволяет нам выявить закономерности, которые в противном случае остались бы невидимыми. В результате весь настоящий прогресс в социальных науках стал возможен благодаря тем, кому хватало смелости говорить вещи, в конечном приближении слегка нелепые: работы Карла Маркса, Зигмунда Фрейда или Клода Леви-Стросса — это лишь несколько характерных примеров. Нужно упростить мир, чтобы открыть в нем что-то новое. Проблема возникает, когда открытие давно совершено, а люди продолжают упрощать.

Высказывания Гоббса и Руссо были ошеломляющими и глубокими для их современников, открывали новые просторы воображению. Теперь же эти идеи звучат банально. В них нет ничего, что оправдывало бы продолжающееся упрощение истории человечества. Современные социологи сводят людей прошлого до двухмерных карикатур не столько для того, чтобы продемонстрировать что-то незаурядное, а потому, что, по их представлениям, именно такой формы «научности» от них ожидают. В результате это лишь обедняет историю и, как следствие, — наше представление о возможном. Завершим введение еще одним примером, прежде чем перейти к сути дела.

Со времен Адама Смита так называемая примитивная торговля рассматривается в качестве аргумента в пользу укорененности современных форм конкурентного рыночного обмена в самой природе человека. Известно, что десятки тысяч лет назад некоторые предметы — драгоценные камни, ракушки или другие украшения — перемещались на огромные расстояния. Зачастую именно предметы такого рода, как позднее отмечали антропологи, использовались в качестве «примитивных валют» по всему миру. Несомненно, это должно доказывать, что капитализм в том или ином виде существовал всегда, не так ли?

В таких доказательствах заложен порочный круг. Если драгоценные предметы перемещались на большие расстояния, это свидетельствует о «торговле», а если существовала торговля, то она так или иначе должна была принять какую-то коммерческую форму; следовательно, тот факт, что, скажем, три тысячи лет назад балтийский янтарь попал в Средиземноморье или ракушки из Мексиканского залива очутились в Огайо, доказывает, что уже тогда существовали зачатки рыночной экономики. Рынки встречаются повсеместно. Следовательно, рынок наверняка существовал. Следовательно, рынки встречаются повсеместно. И так далее.

Авторы, рассуждающие подобным образом, лишь подтверждают свою неспособность вообразить другой процесс перемещения драгоценных предметов. Но сама по себе нехватка воображения — не аргумент. Складывается ощущение, что эти авторы боятся предложить что-то оригинальное, а когда всё же решаются, считают своим долгом использовать

расплывчатые наукообразные формулировки («трансрегиональные сферы взаимодействия», «многоуровневые сети обмена»), чтобы не строить предположений о том, что же именно за ними стоит. При этом антропология обеспечила нас бесчисленными примерами того, как ценные предметы перемещались на большие расстояния в отсутствие чего-либо даже отдаленно напоминающего рыночную экономику.

В книге Бронислава Малиновского «Аргонавты западной части Тихого океана» (1922), основополагающей этнографической работе XX века, описывается «кольцо кула» на островах области Массим в Папуа — Новой Гвинее. Мужчины на каноэ отправлялись в рискованные экспедиции по опасным морям, чтобы обменяться наследственными браслетами и ожерельями (самые значимые украшения обладали своим именем и историей прошлых владельцев) — только затем, чтобы вскоре передать их следующему владельцу, снова отправившись в экспедицию на другой остров. Драгоценные реликвии бесконечно кружат по цепи островов, пересекая сотни миль по океану: браслеты — в одном направлении, ожерелья — в противоположном. Внешнему наблюдателю это кажется бессмысленным. Для мужчин Массима это было самым главным приключением — нет ничего важнее, чем таким образом донести свое имя до мест, которые ты сам никогда не видел.

Можно ли назвать это «торговлей»? Вероятно, — но в таком случае нам придется изменить до неузнаваемости обычное определение этого слова. Существует множество этнографических работ о том, как подобный обмен на большом расстоянии реализуется в обществах, где нет рынков. Иногда действительно происходит бартер: различные группы развивают местные промыслы — одна группа известна изделиями из перьев, другая поставляет соль, в третьей группе все женщины занимаются гончарным делом — чтобы получить то, что они не могут сделать сами; иногда какая-то группа специализируется на самой перевозке людей и вещей. Но часто такие региональные сети появляются по большей части ради дружественных взаимоотношений или для того, чтобы создать повод время от времени ездить друг к другу в гости[33]. Существуют и многочисленные другие варианты, тоже не имеющие ничего общего с «торговлей».

Основываясь на этнографической литературе о коренных обществах Северной Америки, перечислим для читателя несколько вариантов того, что же на самом деле подразумевается под «протяженными сферами взаимодействия» из прошлого:

“ 1. Поиск предметов из сновидений. В XVI и XVII веке у народов, говоривших на ирокезских языках, считалось очень важным в буквальном смысле слова «осуществлять свои сны». Многие европейские наблюдатели изумлялись готовности индейцев отправиться в многодневное путешествие за каким-нибудь предметом — трофеем, кристаллом — или даже животным (например, собакой), который они перед этим заполучили во сне. Если человеку приснилась вещь, принадлежащая соседу или родственнику (котел, украшение, маска и так далее), он мог спокойно попросить ее; как следствие, такие предметы постепенно перемещались из города в город. У

народов Великих равнин путешествия на большие расстояния в поисках редких или экзотических предметов могли быть частью поиска предметов из видений[34].

2. Странствующие целители и артисты. В 1528 году потерпевший кораблекрушение испанец по имени Альвар Нуньес Кабеса де Вака по пути из Флориды в Мексику оказался на территории нынешнего Техаса. Там он обнаружил, что от одной деревни до другой можно легко добраться (даже если эти деревни воюют друг с другом), предлагая услуги волшебника и целителя. В значительной части Северной Америки целители были одновременно и артистами и часто обзаводились немалой свитой; те, кто считал, что представление спасло их жизнь, обычно отдавали всё свое имущество труппе, члены которой делили его между собой[35]. Таким образом драгоценности могли легко перемещаться на очень большие расстояния.

3. Азартные игры среди женщин. Во многих коренных обществах Северной Америки женщины были заядлыми игроками. Женщины из расположенных рядом деревень часто собирались сыграть в кости или в игру с миской и сливовой косточкой. Обычно на кон ставили бусы из ракушек или другие украшения. Археолог Уоррен Дебур, хорошо знакомый с этнографической литературой, считает, что многие ракушки и другие экзотические предметы, обнаруженные посреди континента, попали туда благодаря тому, что их на протяжении очень длительных периодов времени таким образом разыгрывали между деревнями[36].

Мы можем привести множество других примеров, но полагаем, что читатель уже понял, к чему мы клоним. Когда мы просто гадаем, чем занимались люди, жившие в другое время и в другом месте, наши предположения почти всегда оказываются гораздо менее интересными и необычными — одним словом, гораздо менее человеческими, — чем то, что происходило на самом деле.

Что ждет нас дальше

В этой книге мы собираемся не только предложить новую версию истории человечества, но и пригласить читателей окунуться в новую науку об истории, такую, которая возвращает нашим предкам их человечность в полной мере. Вместо того чтобы сразу задаться вопросом о неравенстве, мы начнем с другого — как «неравенство» вообще стало проблемой, а затем будем постепенно выстраивать альтернативный нарратив, лучше соответствующий накопленным к настоящему моменту знаниям. Если люди не жили на протяжении девяноста пяти процентов своей истории в небольших группах охотников-собирателей, то чем они занимались всё это время? Если появление сельского хозяйства и городов не привело к возникновению иерархий и доминирования, то что они изменили? Что на самом деле происходило в те периоды, когда, как мы привыкли считать, формировались «государства»? Ответы на эти вопросы зачастую неожиданны; они указывают на то, что ход истории

человечества в меньшей степени, чем мы склонны думать, высечен в камне и в большей — полон различных возможностей.

В определенном смысле эта книга — попытка заложить фундамент для новой мировой истории, как это удалось сделать Гордону Чайлду в 1930-е годы, когда он придумал такие словосочетания, как «неолитическая революция» и «урбанистическая революция». Поэтому она обречена на некоторую шероховатость и неполноту. В то же время эта книга посвящена и другому, а именно поиску правильных вопросов. Если «откуда произошло неравенство?» — не самый главный и интересный вопрос человеческой истории, какой вопрос должен занять его место? Истории бывших пленников, которые предпочли вернуться в леса, свидетельствуют о том, что Руссо не во всём ошибался. Мы действительно что-то утратили. Но его понимание того, что это было, довольно своеобразное (и в конечном счете ошибочное). Как описать это нечто? И в какой степени мы действительно этого лишились? Что всё это подскажет нам о возможности перемен в современном обществе?

На протяжении почти десяти лет мы — двое авторов этой книги — вели друг с другом продолжительный диалог, посвященный именно этим вопросам. Оттого структура книги получилась довольно необычной. В начале мы прослеживаем исторические корни вопроса («как возникло социальное неравенство?») вплоть до контактов между европейскими колонистами и интеллектуалами из числа коренных жителей Америки XVII века. Влияние этих контактов на то, что мы сейчас называем Просвещением, как и вообще на наши базовые представления об истории человечества, оказалось и менее очевидным, и более существенным, чем мы признаём. Выяснилось, что обращение к этим контактам имеет важнейшие последствия для современных попыток осмыслить прошлое человечества, включая происхождение сельского хозяйства, собственности, городов, демократии, рабства и самой цивилизации. В итоге мы решили написать книгу, которая отразила бы, пусть лишь отчасти, эту эволюцию наших собственных размышлений. Поворотным для нашей дискуссии стало решение уйти от европейских мыслителей, таких как Руссо, и вместо этого взглянуть на интересующие нас вопросы глазами индигенных мыслителей, которые в конечном счете вдохновили мыслителей европейских.

С этого и начнем.

Версия #1

Зверобой создал 8 февраля 2026 00:00:12

Зверобой обновил 8 февраля 2026 00:04:31